

ПРОБЛЕМЫ СОЦИУМА: МОБИЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ

Своеобразный угол зрения на развитие российского общества был задан современной глобализацией. Этот процесс, набравший скорость в последние полвека, имеет отношение не только к настоящему, но и к прошлому. Во-первых, потому, что социальное прошлое в значительной степени предопределяет готовность и способность отвечать на вызовы глобализации. Во-вторых, потому, что социальное прошлое есть и у самой глобализации. Нынешнее ее состояние разительно отличается от предыдущих темпами, глубиной и технической оснащенностью (информационные технологии устранили границы между временем и пространством), но оно — не первое в мировой истории.

Истоки этого явления, как и все в человеческом мире, восходят к сдвигам в социальной культуре, происходящим в ответ на новые проблемы и вызовы.

Помимо трудностей установления и поддержания базового социального консенсуса, все общества сталкиваются с еще одной проблемой, неизвестной традиционным общностям: с проблемой сочетания общенационального интереса с интересами частными и групповыми.

Любой единоличный правитель, даже наделенный божественным статусом, мог успешно управлять лишь при наличии компетентной правящей элиты. Ему нужны были не просто восначальники, а такие, которые были бы лучше или во всяком случае не хуже, чем в других странах. То же самое относится к гражданским чиновникам — внутренняя и внешняя жизнеспособность общества всегда и везде зависит от их способностей, квалификации, умения управлять. Но такая мобилизация личностных ресурсов невозможна без сильнодействующих стимулов в виде статусных привилегий, т.е. без апелляции к частным интересам. Последние же имеют свойство тяготеть не только к передаче статусов и сопутствующих им привилегий от поколения к поколению по наследству (подобно тому, как передается монархическая власть), но и к приватизации интереса общего, к превращению государственных должностей в своего рода частную собственность, позволяющую взимать с подвластных бюрократическую ренту. И с этой особенностью человеческой природы верховная власть вынуждена была считаться во все времена.

Наследственные статусные привилегии, которыми наделялись элитные группы, нередко способствовали не столько мобилизации, сколько демобилизации личностных ресурсов этих групп. Статусы, наследуемые независимо от личных способностей и подготовки, высокому качеству государственного аппарата не благоприятствуют, и развитие российского суперэтноса представляет одну из самых выразительных подтверждений данной закономерности. Поэтому во многих обществах принцип наследования статуса сочетался с принципом индивидуальной заслуги, предполагавшим дозированный доступ в элиту наиболее способных и энергичных представителей средних и даже низших слоев, безотносительно к национальной принадлежности соискателей. Со времен Петра I такая практика утвердилась и в России, хотя поначалу и в специфических формах, обусловленных задачами петровской модернизации.

Однако при отстранении большинства населения от общественной жизни и отсутствии у него возможностей влиять на нее, противодействие бюрократической приватизации государства со стороны верховной власти значительными успехами нигде не сопровождалось не в последнюю очередь и потому, что правителям нужно было думать и об обеспечении лояльности околывластной элиты. Вопрос о том, как мобилизовать лично-

стные ресурсы на службу общественному интересу и не допустить при этом его подмены интересами частными и групповыми, поставленный еще Платоном, на протяжении тысячелетий оставался открытым. В большинстве обществ, включая российское, он остается открытым по сей день.

Мир знает и попытки решить этот вопрос радикально, т.е. посредством не только идеологической и этической, но и практической нейтрализации частного интереса, его полной ассимиляции государством. Так, по сообщению Л.Кинросса, в Османской империи в течение нескольких веков существовала система государственной службы, при которой корпус высшего чиновничества комплектовался из рабов славянского происхождения. Они обращались в ислам, проходили подготовку в специальной школе и, в соответствии с выявившимися в ходе обучения способностями, выдвигались на государственные должности с перспективами дальнейшей карьеры. Это был уникальный опыт мобилизации личностных ресурсов посредством предельного сужения поля частных интересов и индивидуальной свободы: условия службы и карьеры включали в себя обет безбрачия, разрыв с семьей и отказ от любой собственности [1]. Но этот политический гибрид мусульманского султанизма и платоновской идеальной республики в конечном счете тоже оказался нежизнеспособным, столкнувшись не только с внутренними проблемами (недовольство коренной турецкой элиты ограничением доступа к государственным должностям), но и с внешними военно-технологическими вызовами со стороны Запада. Турецкое общество, как до него и общество российское, вынуждено было приступить к догоняющей модернизации.

Мобилизация личностных ресурсов при одновременном обогащении их качества — проблема любого общества, вынужденного осуществлять технологические модернизации в ответ на внешние вызовы. В такие периоды, и в самом деле, «кадры решают все». Однако для незападных обществ эта проблема усугублялась еще и тем, что им предстояло заимствовать западные достижения, не имея за плечами той социальной эволюции, продуктом которой они являлись. По мнению Ю.М.Осипова, ее суть заключалась в переходе от экстенсивного хозяйствования, при котором развитие обеспечивается за счет присоединения новых территорий и населяющих их народов, к интенсивному, при котором развитие становится следствием инноваций, повышения экономической эффективности труда и его производительности. На Западе это стало возможным благодаря росту степеней индивидуальной свободы. Свобода, стимулируя ориентацию на индивидуальный жизненный успех, создавала новое качество личностных ресурсов, а быстро развивавшийся рынок способствовал их мобилизации и постоянному обогащению.

Государство, сдерживая до определенного времени распространение свободы на область политики, к ее утверждению в экономике относилось более благосклонно: свобода означала хозяйственное развитие, а хозяйственное развитие означало рост налоговых поступлений в казну, т.е. укрепление самого государства. Поэтому появился спрос на иное качество личностных ресурсов и в аппарате управления — они должны были соответствовать задачам хозяйственной интенсификации. Установка на приватизацию государства у чиновников не исчезала, но качественное обогащение личностных ресурсов происходило и в их среде [2].

Восток, не знавший понятия индивидуальной свободы, пытался осваивать плоды западного развития в условиях сохранявшейся несвободы, т.е. негарантированности прав личности и жесткой государственной регламентации всех сфер общественно значимой деятельности, включая хозяйственную и торговую. Сколько-нибудь существенными историческими результатами такие попытки не сопровождались, о чем можно судить по той же Османской империи — бывшая турецкая мощь к XVIII столетию иссякла и восста-

новить ее с помощью дозированной вестернизации так и не удалось. Единственным незападным обществом, сумевшим не только адаптироваться к новым обстоятельствам, но и усилиться, оказалась общество российское. По замечанию П.Штомпки, в царствование Петра I ей удалось осуществить военно-технологическую модернизацию, отыскав для этого необходимые личностные ресурсы и обеспечив их обогащение до требуемого уровня [3].

Такой поворот имел свою предысторию и свои долговременные последствия. Он не преодолевал инерцию экстенсивного развития, а переводил его в новое технологическое русло, во многом предопределив тем самым своеобразие и последующих отечественных модернизаций [4]. Историческим синтезом доосевой и осевой культур стали мировые империи, скреплявшиеся не только силой, но и универсальными абстракциями утвердившихся мировых религий в сочетании с юридическими абстракциями закона, тоже возникшими и укоренившимися в социальной культуре в результате обретения ею нового измерения. Экспансионистские имперские установки вдохновлялись универсальными идеями и были установками на глобализацию, которые разные империи реализовывали не вместе с другими, а независимо от других. При этом не обошлось и без существенных культурных потерь: интеллектуальная свобода, благодаря которой осуществилось вхождение в осевое время, не только не становилось свободой экономической и политической, но и сама свертывалась, выпеснялась идеологической и политической регламентацией и унификацией. Универсальные идеи в их имперском воплощении не могли консолидировать все человечество, а могли интегрировать лишь отдельные регионы.

То были модернизации посредством заимствования чужих достижений без создания собственных источников и стимулов инноваций. Данная проблема сохраняет свою актуальность и сегодня, а ее предельная острота определяется тем, что прежними способами она неразрешима.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи УИУ, 1999. С. 660-661.
2. Осипов Ю.М. Мерцающие контуры российской государственности //Философия хозяйства. Альманах Центра экономических наук и экономического факультета МГУ. Март-апрель. № 12 (14). М., 2001. С. 12.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. - М., 1996. С. 31.
4. Канетти Э. Масса и власть/Пер., предисл. Л.Г. Ионина. - М., 2003. С.69.

Чечет Б.Ф., г. Ангарск

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛОВ

Процесс взаимодействия общества и личности – это сложный и неоднозначный процесс, в котором полная корреляция действий невозможна принципиально, если, конечно, не рассматривать патологических вариантов, типа описанных в антиутопии Замятина «Мы». И всё же, стремиться к взаимопониманию необходимо. Для продуктивного существования личности и общества важна адекватная взаимная интерпретация смыслового содержания социокультурного контекста, в котором существует общество и составляющие его индивидуумы.

Люди выступают как создатели смыслов, выраженных в поступках, отношениях, предметах, ценностях, высказываниях. Что индивид и общество в этом процессе пытаются сказать друг другу, и что индивид и общество в результате слышат? Всегда ли они понимают друг друга? Ведь очень часто, расхождение в интерпретации личностью и обществом целого ряда общезначимых смыслов служит основой для непониманий, лич-